

УДК 93/94

**БЕЛОРУССКАЯ ДИАСПОРА СИБИРИ
В ПЕРИОД ИСТОРИЧЕСКИХ ПОТРЯСЕНИЙ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА**

д-р ист. наук, проф. А. А. ШТЫРБУЛ
(Омский государственный педагогический университет)

Рассмотрена проблема истории белорусской диаспоры в Сибири первой четверти XX века, социально-экономической, общественно-политической и культурной жизни белорусов в Сибирском регионе в один из самых сложных и неоднозначных периодов российской и белорусской истории прошлого века, включивший в себя «стольпинское» аграрное переселение, Первую мировую войну, три революции, Гражданскую войну и первые годы НЭПа.

Ключевые слова: белорусская диаспора, Сибирь, переселенцы.

По всероссийской переписи 1897 г. в Сибири проживало 12 346 белорусов (для сравнения – великороссов – 4 423 803, украинцев (в переписи – малороссов) – 223 274, евреев – 32 597, поляков – 29 117, мордвинцов – 20 802) [1, с. 26–27]. Белорусы в это время являлись по численности шестой этнической группой «европейских» народов в Сибири. На протяжении всей первой четверти XX в. число белорусов в Сибири постепенно увеличивалось.

Однако статистика данной и ряда последующих переписей, как справедливо считают авторы Сибирской исторической энциклопедии, не может дать и не дает реального числа белорусов в составе сибирского населения. «По наблюдению специалистов, этнические белорусы [в Сибири] делились на две части. Меньшую составляли католики, которые относили себя к белорусам, но со стороны православных звались «поляками». Более значительная группа белорусов состояла из православных, которые считали родным языком русский и идентифицировали себя с русскими. Самоотождествлению себя с русскими способствовала близость языка и единство религиозной веры. Поэтому значительная часть переселенцев из Белоруссии, а тем более их потомков во втором и следующих поколениях была зафиксирована под этнонимом «русские»» [2, с. 188].

Во второй половине XIX – начале XX в. в Сибири, в среде белорусских, как, впрочем, и украинских переселенцев шли сложные и неоднозначные процессы. На новых местах расселения в Сибири и на Дальнем Востоке белорусы (как и украинцы) хотя и сохраняли довольно долго свой язык и черты бытовой культуры, демонстрировали при этом большую, чем на исторической родине, приверженность идее общерусской идентичности. В отличие от Европейской России, где шел процесс формирования украинской и белорусской наций, вызывавший в петербургских коридорах власти политические опасения, в Азиатской России процессы стихийного культурного единения у этих народов преобладали, что вполне устраивало местную администрацию. И, как следствие, в правительственных взглядах на славянское население Сибири и Дальнего Востока преобладало мнение, что культурные различия между великороссами, украинцами и белорусами не существенны, а растворение украинцев и белорусов в русской среде Азиатской России стало представляться лишь делом времени. Местная администрация до начала XX в. вообще три славянских народа нередко обозначала одним термином – русские [3, с. 231–232]. Так, в таблице национального состава Акмолинской (Омской) области за 1913 г. белорусы вообще не числились [4, с. 153], хотя достоверно известно, что в это время они в некотором количестве проживали во всяком случае в Омском уезде и в городе Омске. Можно лишь предположить, что они в этой таблице оказались распределены между графами «русские» и «прочие».

Попадание в новую природную и географическую и зачастую довольно суровую среду Сибири, а также частое соседство с аборигенными народами Азиатской России, подталкивали белорусов (как и украинцев) «к консолидации на основе русской нации, и не способствовали оформлению за Уралом украинского или белорусского национальных анклавов». Оторванное от привычной социокультурной среды, оказавшееся в неведомом краю, в иных природно-климатических условиях, вынужденное существенно скорректировать свои хозяйственные занятия, и, кроме того, непосредственно соприкоснувшись с культурой Азии, восточнославянское население на новом месте особенно обостренно ощущало свою русскость [3, с. 231].

В 1907 г. началось интенсивное «стольпинское аграрное переселение» из Европейской России в Сибирь, довольно широко затронувшее и белорусов. За 1904–1914 гг. из Могилевской, Минской, Витебской, Виленской и Гродненской губерний в Сибирь выехало более 350 тысяч человек, осевших в основном в Тобольской, Томской и Енисейской губерниях [5, с. 14].

По рассказам уроженки Гомельщины (село Тереховка, район Речицы) Сычевой (урожденной Трентенник) Ульяны Калиновны, переселиться в Сибирь (в Омский уезд Акмолинской (Омской) области) заставила ее семью и односельчан крайняя нужда. Пахотной земли было мало, хлеба не хватало, «досы-

та никогда не ели», часто нанимались к соседнему помещику на посевные и уборочные работы, на сенокос и т. п., «работали с утра до ночи, света белого не видели». «Зимой все дни с утра до позднего вечера ткали, шили, пряли, теребили, вечером при лучине работали», «отдыха не знали», но «из нужды выбиться не могли». Дети сызмальства помогали взрослым во всем. Учиться в церковно-приходскую школу Ульяну Калиновну мать не пустила, сказав: «С грамоти хлеба не гамати».

Большую часть белорусов, переселявшихся в Сибирь, составляли беднейшие крестьяне. Переселенцы (кроме самовольных) получали помощь от правительства, но им оказывалось недостаточное финансирование, вследствие чего, а также и по другим причинам из общего числа мигрантов за 1896–1915 гг. возвратилось назад до 23 %. [2, с. 188].

Новая волна переселенцев, на этот раз беженцев из западных губерний Европейской России, дала Сибири Первая мировая война. В годы Первой мировой войны с территории Белоруссии в собственно Россию бежало около 1,5 млн. белорусов, и часть их оказалась в Сибири [2, с. 188].

Некоторое число белорусов в Сибири добавила политическая и уголовная ссылка. Характеризуя состав политической ссылки в Сибири начала XX в., ведущий исследователь данной проблемы Э.Н. (Ш.) Хазиахметов в первый ряд мест прежней деятельности ссыльных ставит (наряду с Юго-Западом, Петербургской губернией, Польшей, Прибалтикой, Поволжьем и Кавказом) и включавший в себя Белоруссию Северо-Запад. «Один перечень этих местностей доказывает органическую связь политической ссылки с напряженной борьбой промышленного пролетариата и угнетенных народов России против самодержавия» [6, с. 28]. В ссылку, а также на каторгу белорусы, в основном крестьяне, попадали за участие в революционном аграрном движении. Так, белорусы были среди заключенных Тобольской каторжной тюрьмы. [7, с. 101]. (В марте 1917 г. политическая ссылка и каторга были ликвидированы, и значительная часть бывших заключенных-белорусов вернулась в родные места).

Большинство мигрантов из Белоруссии, будучи по сословной принадлежности крестьянами, традиционно выбирало для поселения в Сибири сельскую местность. Они осели в губерниях: Тоболькой (Тарский, Туринский, Ишимский, Тюкалинский уезды), Томской (Мариинский, Каинский, Барнаульский, Змеиногорский уезды), Енисейской (Ачинский, Каннский уезды), Иркутской (Нижнеудинский, Балаганский, Иркутский уезды). Губернские переселенческие управления старались учитывать особенности ландшафта мест выхода переселенцев, поэтому участки для строительства поселков белорусам отводились преимущественно в лесистых, подтаежных и отчасти лесостепных зонах [2, с. 188].

В первой четверти XX в. немало белорусов проживало в северной полосе Барабинской степи (зона лесостепи), на севере Омского Прииртышья, на Алтае [8, с. 24–26]. По административному делению, не раз в этот период менявшемуся, это районы Тобольской (затем Тюменской), Томской, Новониколаевской и Алтайской губерний, Акмолинской (Омской) области (затем Омской губернии).

Большинство белорусских переселенцев селилось деревенскими общинами, то есть отдельными деревнями. Возникали даже районы компактного проживания белорусов [9, с. 143; 10, 140], но таких районов в Сибири было значительно меньше, чем, например, украинских [10, с. 140]. Часть переселенцев селилась в деревнях со смешанным национальным составом – как правило, русско-украинско-белорусским.

Для примера назовем белорусские деревни и деревни с большой долей белорусского населения в Омском Прииртышье: Айлинка, Александровское, Алексеевка, Аноринка, Атирка, Белосток, Верхне-Баклянское, Гриневицы, Кавзы, Кейзесс, Князевка (Князево), Крайчиково, Кукарка, Ларионовка, Мавричи, Мариинское, Мурка, Новоягодное, Нагорно-Ивановское, Нагорное, Покровка, Поречье, Пронинское, Рагозина, Славянка (Славенка), Соловьевка, Троицкое (Минское), Унара, Усовка, Чебуренки, Чиганы.

В Омске и Омском Прииртышье, например, с начала века распространены такие белорусские фамилии, как Козубовичи, Тереховичи, Казанники, Третеники, Гацко, Латушко, Сачко, Скачко, Сушко, Шалойко, Ляликовы. Пузиковы, Гурновичи, Маковичи, Машковичи, Мошкевичи, Грушецкие, Корецкие, Петровские, а также русские по звучанию, которые, наряду с русскими, носят и белорусы, прибывшие в Сибирь именно под этими фамилиями (Романовы, Сычевы, Сычовы).

Для белорусов в Сибири в начале XX в. и позднее были характерны тесные земляческие, родственные и кумовские связи в районах расселения, а также устойчивые связи с местами выхода (почтовая переписка, поездки по делам, временное или полное возвращение в места выхода).

Белорусы, прибывавшие в Сибирь, были, как правило, глубоко религиозны. По конфессиональной принадлежности они в большинстве являлись православными. Так, по переписи 1897 г., в Томской губернии среди белорусов 94,7 % составляли православные, 4,6 % считали себя старообрядцами, 0,6 % католиками (в том числе, видимо, и униатами. – А.Ш.). Подобная конфессиональная картина в белорусской переселенческой среде наблюдалась, видимо, и в других местностях Сибири [2, с. 188].

Во время «стольпинского переселения» в конфессиональной картине белорусов Сибири мало что изменилось, однако следует учесть, что добавилось некоторое количество белорусов-баптистов, осевших, например, в ряде сел Омского уезда (Усовка, Изюмовка, Чебуренки, Славянка и другие) со смешанным (русским, украинским и белорусским) населением. Белорусы-баптисты, осевшие в Омском уезде

были в основном выходцами из Гомельщины. Они строго соблюдали религиозные каноны своей общины, добросовестно трудились, не курили, не сквернословили, не употребляли или почти не употребляли алкоголя. Некоторые из них, несмотря на первоначальную бедность, в течение нескольких лет выбивались в разряд зажиточных [11, с. 38, 56].

Население Сибири, в том числе и белорусское, росло, хоть и не так интенсивно, как надеялся П. А. Столыпин, который рассчитывал, что начиная с 1907 г. за Урал будет переселяться в год по миллиону крестьян из Европейской части России. Тем не менее, благодаря «стольпинскому аграрному переселению» и последовавшему с началом войны наплыву беженцев население Сибири составило к 1917 г. чуть более 10 млн. человек [12, с. 98].

Увеличилось в регионе и число белорусов. В целом к 1917 г. в Сибири из 10 млн. жителей 71,5 % являлись русскими, 9,3 % украинцами, 2,6 % белорусами [5, с. 15], то есть, число белорусов в Сибири могло составлять в это время порядка 260 000. Опять-таки возможно, что процент белорусов был несколько выше, так как некоторая часть их числилась русскими. В отдельных районах и городах Сибири доля славян, в том числе белорусов, была выше. Так, в Томской губернии число украинцев превышало 11 %, а белорусов – 3 % [5, с. 15].

В период революционных и контрреволюционных потрясений 1917–1920 гг. в Сибири значительная часть белорусов продолжала не отделять себя от русских (во втором-третьем поколении зачастую звалась и записывалась русскими) и, как правило, не создавала особых национальных земляческих общин в городах. Лишь в белорусских селах национальные общины существовали, но существовали они здесь де-факто, как сельские коллективы. В марте-апреле 1917 г., когда в городах Сибири шло интенсивное формирование национальных организаций (польских, литовских, латышских, еврейских, украинских и других), белорусы с этим явно не торопились. Быстро сошли на нет намерения и попытки весной 1917 г. начать создание в Сибири, вслед за украинскими местными радами и громадами, аналогичных белорусских организаций, и, в отличие от «Главной украинской рады в Сибири», планируемая «Главная белорусская рада в Сибири» фактически так и не возникла. Часть активных белорусов работала в общих полинациональных комитетах беженцев; кое-где стали возникать «комитеты белорусских беженцев». Своей некоторой «национальной аполитичностью» белорусы в Сибири в это время заметно отличались от других экстерриториальных европейских народностей региона – украинцев, поляков, литовцев, латышей, немцев, евреев, которые довольно активно создавали в губернских и уездных городах региона национальные общины, комитеты, школы, клубы, газеты. Отдельные политически активные белорусы из числа интеллигенции могли в сибирских городах участвовать в довольно распространенных в 1917–1919 гг. (особенно в Иркутске, Томске, Красноярске Омске, Барнауле) украинских, польских и литовских культурно-просветительских обществах и национальных комитетах.

8–17 октября 1917 г. в Томске проходил Первый Сибирский областной (областнический) съезд. Из 183 делегатов 2 были белорусами (для сравнения: русские – 121, украинцы – 12, немцы – 5, евреи – 6, поляки – 4, татары – 16, киргизы (казахи) – 11, алтайцы – 3, якуты – 2, буряты – 1) [13, с. 119–120].

Между прочим, в составе Временного правительства Автономной Сибири (ВПАС), возникшего в конце января 1918 г. в Томске, было учреждено особое «министерство экстерриториальных народностей», главой которого был назначен украинец Д. Г. Сулим, офицер Барнаульского гарнизона, эсер, который, однако, от работы в данной должности самоустранился, так как в это время перешел на позиции левых эсеров и активно поддержал Советскую власть.

Некоторое оживление белорусского национального движения в Сибири произошло осенью 1918 г. в условиях так называемой «демократической контрреволюции», при власти Временного Сибирского правительства (ВСП) и Временного Всероссийского правительства (Директории).

Основным районом активизации данного движения в это время стала Томская губерния, где процент белорусов был несколько выше, чем в среднем по Сибири. Актив движения сосредоточился в крупнейшем городе Томской губернии и одном из крупнейших во всей Сибири – Новониколаевске (ныне – Новосибирск), а также, отчасти, в Омске – центре Омской губернии, столице «белой» Сибири (и с 9 октября 1918 г. по 14 ноября 1919 г. – столице «белой России»).

В начале октября 1918 г. в Омске, в условиях белогвардейской власти Временного Сибирского правительства (ВСП), была предпринята попытка инициировать добровольное вступление белорусов-сибиряков в Сибирскую белую армию с намерением даже создать белорусский национальный батальон в составе этой армии. Данная попытка была связана с деятельностью в Омске эмиссара Белорусской народной Рады эсера Н. Наркевича.

Наркевич появился в Омске весной 1918 г., накануне антисоветского переворота, происшедшего 7 июня 1918 г. Поскольку в условиях «первой» Советской власти он заявлял о своей принадлежности к просоветской партии левых эсеров, то после переворота был белыми арестован и оказался в Омской тюрьме, точнее, на городской военной гауптвахте. Находясь в заключении, на следствии стал позиционировать себя как убежденный противник большевиков и Брестского мира, и, как представитель Бело-

русской рады, предложил свои услуги белым [14, с. 147; 15, л. 47]. Предложение было принято. В начале октября 1918 г. в омских газетах появилось составленное Наркевичем воззвание к белорусскому населению Сибири с призывом к белорусам-сибирякам вступать в Сибирскую белую армию, текст которого, по причине его уникальности, мы приводим полностью без изменений (с сохранением орфографии и пунктуации источника: слово «Родина» в тексте в первом случае с большой буквы, во втором – с маленькой; слово «белорусы» напечатано как «белоруссы»; слова «Белоруссия» и «Белорусь» в тексте варьируются; буква «е» не употребляется, вместо нее в тексте везде стоит «е»):

«Братья белоруссы!»

Ограбленная, залитая кровью и вся в огне ждет вас Родина ваша.
Ждет – когда вы придете, выгоните врага и избавите ее от позора порабощения и издевательств завоевателя.
Ждут вашего прихода ваши матери, ваши сестры и старики-отцы.
Что заработано потом, что взято кровью упорного труда, – все злой враг берет себе.
Крик, может уже последний, опозоренных жен ваших и матерей доносится даже сюда, в далекую Сибирь.
Спасите!
Вспомните братья, свои весны. Вспомните стежки, грушни на полях!
Вспомните хатки, родные хатки, где мать пела вам свои песни – песни Белоруссии.
Спасите! – кричит вам родная страна.
И мы. Братья, ее спасем. Запишемся все в Сибирскую армию. Пойдем с нею на общего врага.
Победим!
Освободим свой край родной!
Пусть живет вольная Белорусь!
Записывайтесь, братья, в Сибирские батальоны. Вместе с ними создадим мы вольную армию России. Вместе с ними отвоюем себе свободу, – создадим светлую добрую жизнь славянским народам.
Вы, жены Белоруссии, посылайте мужей и детей своих: да освободят они свою родину.
Пусть живет вольная Белорусь!
Неужто, братья, позволим мы, чтобы плуг врага ходил по нашим пашням, чтобы коса его косила наши лужки, чтобы топор его гулял по нашим лесам, там, где некогда работали наши отцы и деды, где пролит их пот, где пролиты их слезы?
Нет, никогда.
Да живет вольная Белорусь!
Прошу газеты перепечатать.
Председатель аграрной секции 1-го Всебелорусского съезда

Николай Наркевич» [16].

Вскоре после выхода данного воззвания, в середине октября, уже в Новониколаевске было организовано «частное совещание воинов-белорусов» с целью самоорганизации и «защиты своей родины – Белоруссии» [17, с. 206]. На 24 октября в Новониколаевске был объявлен созыв собрания наличествующих в Сибири членов Первого Всебелорусского съезда, на которое приглашались также представители белорусских кружков, беженских комитетов и подобных белорусских организаций [17, с. 207].

Данное собрание состоялось 25 октября, днем позже запланированной даты. На нем присутствовали делегаты от уездных белорусских беженских комитетов. Единогласно было принято решение наладить работу по организации белорусского национального движения в Сибири. На собрании была создана Новониколаевская белорусская рада, в состав которой вошли: в качестве председателя – товарищ председателя Первого всебелорусского съезда капитан Савич, товарищем председателя – И. Н. Скок, секретарями – Д. И. Кунашко, Ф. М. Мажуто. Собрание постановило: 1) обратиться к белорусской интеллигенции с просьбой прислать в раду свои адреса; 2) работать на местах по организации белорусов; 3) присылать свои труды, касающиеся белорусского движения; 4) делать сборы и отчисления в пользу рады. Кроме того, было принято решение о том, чтобы регулярно обращаться к населению с просьбой жертвовать средства на нужды белорусского движения [17, с. 207].

10 ноября 1918 г. в Новониколаевске состоялось общее собрание белорусов по поводу создания кооператива, который, как планировалось, будет служить не только материальным, но и политическим целям. Его задачами провозглашались: объединение всех местных белорусов; участие в создании белорусских вооруженных сил; содействии делу сплочения и укрепления свободной Белоруссии. Был предложен (зачитан) проект устава общества. В корреспонденции сообщалось, что был продемонстрирован «национальный знак белорусов»: по краям белые полосы, в середине – красная [17, с. 212].

Однако с установлением диктатуры А.В. Колчака работа белорусского национального актива в Новониколаевске постепенно замерла (притом, что большинство лидеров белорусского национального движения в Сибири были настроены лояльно по отношению к белогвардейской власти, и эта власть, соответственно, смотрела на движение в целом благосклонно, а то и просто безразлично). Реальным результатом двухмесячной активизации белорусского движения в Сибири осенью 1918 г. стало возникновение заметной белорусской национальной общины в Новониколаевске, которая, судя по всему, стала в конце 1918 – первой половине 1919 г. одной из самых активных и влиятельных белорусских национальных организаций в Сибири.

Но и эта организация летом 1919 г. распалась. 18 июня 1919 г. новониколаевские «Военные ведомости» с утра информировали, что в этот день «созывается собрание общества белорусов». [17, с. 232]. Однако уже 1 июля 1919 г. та же газета сообщала, что «белорусское общество Новониколаевска прекращает свою деятельность, и что всем членам общества предлагается забрать свои паевые взносы» [17, с. 233].

Белорусы Сибири (значительная часть которых являлась крестьянами), встретили призывы национальных организаций помогать белогвардейским властям, в основном индифферентно, а когда в сельской местности Сибири началась жесткая мобилизация в Сибирскую, а затем в Русскую (колчаковскую) армии, то селяне-белорусы вместе с русским и украинским крестьянством региона стали уклоняться от военного призыва, а затем, отвечая на карательные действия властей, приняли в ряде случаев участие в вооруженном сопротивлении – в восстаниях и партизанском движении.

Антиколчаковское партизанское движение развернулось, в том числе и в тех местах, где проживало немало белорусов: на севере Среднего Прииртышья, севере Барабинской степи, на Алтае. В Горном Алтае известным партизанским командиром стал белорус И. Я. Третьяк.

Третьяк Иван Яковлевич родился в 1884 г. в деревне Ракошичи Кайдановской волости Минской губернии. С 1904 г. участвовал в революционном движении. В 1907 г., спасаясь от ареста, эмигрировал в Германию и затем в США. С 1908 г. активно участвовал в деятельности эмигрантской профсоюзной анархо-синдикалистской «Федерации русских рабочих». Возвращаясь из эмиграции через Владивосток, осенью 1918 г. прибыл к родственникам-переселенцам на Алтай. Став свидетелем разгула колчаковщины, включился в сопротивление режиму и летом 1919 г. возглавил партизанский отряд, превратившийся вскоре в партизанскую дивизию, которая сражалась с белогвардейцами вплоть до соединения с наступающими частями Восточного фронта Красной Армии в начале 1920 г. (В 1937 г. И. Я. Третьяк пал жертвой сталинских репрессий) [18, с. 9, 10, 11; 19, с. 50–51]. Партизанский начдив И. Я. Третьяк по праву входит в десятку самых прославленных партизанских вождей Сибири, наряду с Е. М. Мамонтовым, Г. Ф. Роговым, П. К. Лубковым, А. Д. Кравченко, П. Е. Щетинкиным, В. Г. Яковенко, Н. И. Каландаришвили, Д. Е. Зверевым.

Среди других белорусов, активно боровшихся за советскую власть в Сибири, можно также выделить братьев Коношенок. Иван Савельевич Коношенок (1885 – ?) – в 1916–1917 гг. – прапорщик, затем подпоручик Омского гарнизона. Со времени Февральской революции, будучи беспартийным, политически симпатизировал большевикам. В 1917 г. являлся членом Омского военно-окружного комитета. В 1918 г. – редактор еженедельного журнала «Западная Сибирь» (орган Западно-Сибирского исполкома Советов, издавался в марте – мае 1918 г.), член исполкома Западно-Сибирских Советов. При белогвардейцах находился в тюрьме, после изгнания колчаковцев вступил в РКП(б), партийный стаж установлен с 1919 г. После Гражданской войны находился на ответственной советской и хозяйственной работе [20, с. 252; 21, с. 286]. Георгий Савельевич Коношенок, также как и брат, активно участвовал в революционном движении, в конце 1917 г. являлся комиссаром Омского Военно-революционного комитета в Тюмени [20, с. 286].

Белорусы Сибири, так же как и все население региона, так или иначе, оказались втянутыми, часто помимо своей воли, в Гражданскую войну. Они служили по мобилизации (реже – добровольно) в Красной Армии и в белогвардейских армиях (Сибирской армии ВСП и Русской армии А.В. Колчака), а также вступали в 1918–1920 гг. в антиколчаковские партизанско-повстанческие отряды и значительно реже в антикоммунистические партизанско-повстанческие отряды 1920–1922 гг.

С окончанием Гражданской войны и образованием БССР многие белорусы из числа беженцев Первой мировой войны, а также и часть «стольпинских переселенцев» вернулись на свою историческую Родину, поэтому численность белорусов в Сибири (как и в других регионах России) заметно снизилась. В то же время в 1924–1927 гг. на территорию Сибири и Дальнего Востока переселилось более 33 тысяч белорусов. Перепись 1926 г. зарегистрировала в Сибири более 320 тысяч белорусов, расселившихся практически во всех районах Сибири и Дальнего Востока [2, с. 188].

Сибирская советская энциклопедия, говоря о суммарной численности белорусов в Сибири и на Дальнем Востоке на 1926 год, привела цифру 371 840 человек. При этом на Сибирский край приходилось 325 170 белорусов и на Дальневосточный край – 41 124. Кроме того, в сибирских (по географической принадлежности) округах Уральской области – Ишимском, Курганском, Тобольском и Тюменском – проживало 5 546 белорусов. В собственно Сибирском крае наиболее заметно белорусы в это время были представлены в округах: Канском (50 816), Тарском (43 951), Новосибирском (37 439), Тулуновском (31 163), Ачинском (30 149), Барабинском (26 270) и Томском (26 074). При этом отмечалось, что основная часть белорусов-сибиряков являлась в это время земледельцами и жила «или обособленными селениями, или, чаще всего, совместно с великороссами (в старожильческих селениях и в переселенческих) поселках» [22, с. 275].

В середине 1920-х гг. в местах их компактного проживания действовали более 700 национальных сельских Советов. Небезынтересно, что в 1920-е гг. в Сибири существовала сеть белорусских национальных школ, в которых преподавание велось на белорусском языке, выходил ряд местных белорусских газет, а в Томском университете существовало даже белорусское землячество [2, с. 188; 23].

Таким образом, за период исторических потрясений в России первой четверти XX в. количество белорусов, по разным причинам переселившихся в Сибирь и укоренившихся здесь, возросло в сравнении с началом этого периода в 25 раз. При этом белорусское население Сибири принимало заметное участие в социально-экономических, общественно-политических и культурных процессах, происходивших в это время в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Население и землевладение России по губерниям и сравнительные данные по некоторым Европейским государствам. Статистический справочник. – СПб. : Книгоиздательство «Земля и Воля» : Тип. Н.П. Собко, 1906. – Вып. I. – 65 с.
2. Мамсик, Т.С. Белорусы / Т.С. Мамсик, А.Ю. Майничева, В.Г. Шишкин // Историческая энциклопедия Сибири. – Новосибирск : Издат. Дом «Историческое наследие Сибири». – Т. I. – С. 187–189.
3. Ремнев, А.В. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века / А.В. Ремнев, Н.Г. Суворова. – Омск : Изд. дом «Наука», 2013. – 248 с.
4. Население Западной Сибири в XX веке / под ред. Н.Я. Гущина и В.А. Исупова. – Новосибирск : Изд-во Сиб. отд-ния РАН, 1997. – 171 с.
5. Шиловский, М.В. Русско-славянская колонизация Сибири в XVII – начале XX вв. / М.В. Шиловский // Славянское единство : Тезисы докладов и сообщений научной конференции, посвященной 2000-летию Рождества Христова. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2000. – С. 11–16.
6. Хазиахметов, Э.Н. Сибирская политическая ссылка 1905–1907 гг. (облик, организации и революционные связи) / Э.Н. Хазиахметов. – Томск : Изд-во ТГУ, 1978. – 183 с.
7. Михеев, А.П. Тобольская каторга / А.П. Михеев. – Омск : Изд. дом «Наука», 2007. – 344 с.
8. Белорусы в Сибири: Сохранение и трансформация этнической культуры / под ред. Е. Ф. Фурсовой. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – 424 с.
9. Гайко, В.В. 110-летняя история деревни Айлинка Знаменского района Омской области / В.В. Гайко, С.Ф. Татауров // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Омск, 30–31 марта 2006 г. : в 3 ч. – Омск : Изд-во ОмГАУ, 2006. – Ч. I. – С. 142–145.
10. Бережнова, М.Л. Белорусы в Омском Прииртышье: о влиянии расселения на сохранение этногенетической памяти / М.Л. Бережнова // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Омск, 30–31 марта 2006 г. : в 3 ч. – Омск : Изд-во ОмГАУ, 2006. – Ч. I. – С. 139–142.
11. Саньков, М. Марьяновский меридиан: Очерки истории [Марьяновского] района / М. Саньков. – Омск, ИПК «Омич», 1994. – 191 с.
12. Горюшкин, Л.М. Население Сибири накануне Октябрьской социалистической революции / Л.М. Горюшкин, В.И. Пронин // Историческая демография Сибири : сб. науч. тр. – Новосибирск : Наука : Сибирское отд-ние, 1992. – С. 84–101.
13. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Томской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). – Томск : Изд-во ТГУ, 1992. – Ч. 1. – 151 с.
14. Оленич-Гнененко, А.П. Суровые дни / А.П. Оленич-Гнененко // Сибирские огни (Новосибирск). – 1958. № 11. – С. 131–148.
15. Государственный исторический архив Омской области – Центр документации новейшей истории Омской области (ГИАОО-ЦДННОО). – Ф. 626. Оп. 1. Д.14.
16. Заря (Омск). – 1918. – 5 окт.
17. Кутилова, И.В. Национальные меньшинства Томской губернии. Хроника общественной и культурной жизни. 1885–1919 / И.В. Кутилова, Н.И. Нам, В.А. Сафонов. – Томск : Изд-во ТГУ, 1999. – 298 с.
18. Третьяк, И. Предисловие / И. Третьяк // Партизанское движение в Горном Алтае в 1919 году. – Барнаул : Алт. книж. изд-во, 1968. – 144 с.
19. Усатых, В. Начдив Третьяк / В. Усатых // Диалог (Барнаул). – 1990. – № 3. – С. 50–51.
20. Познанский, В.С. Сибирский красный генерал / В.С. Познанский. – Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1972. – 270 с.
21. Познанский, В.С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. / В.С. Познанский. – Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1973. – 307 с.
22. Белорусы // Сибирская советская энциклопедия. – Новосибирск : Сибкрайиздат, 1929. – Т. 1. – 988 с.
23. Лапунов, В. Белорусы в Сибири [Электронный ресурс] / В. Лапунов. – Режим доступа: www.postkomsg.com/history/196516/. – Дата доступа: 02.11.2016.

Поступила 12.12.2016

BELARUSIAN DIASPORA IN SIBERIA DURING THE HISTORIC UPHEAVALS OF THE FIRST QUARTER OF THE TWENTIETH CENTURY

A. SHTYRBUL

The article deals with the Belarusian Diaspora history in Siberia in the first quarter of the twentieth century, the socio-economic, socio-political and cultural life of the Belarusians in the Siberian region during one of the most complex and controversial periods of Russian and Belarusian history of the last century, which included "Stolypian" agrarian resettlement, World War I, three revolutions, Civil war and early years of the NEP.

Keywords: *Belorussian diaspora, Siberia, migrants.*